

Г.Б. Альжанова^{1*}, Б.И. Карипбаев¹, В.И. Разумов², А.Р. Озкан³

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда Казахстан;

²Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия;

³Университет Анкары, Анкара, Турция

(E-mail: gula.85@mail.ru; karipbaev@mail.ru; razumovi@omsu.ru; arozkhan@ankara.edu.tr)

Роль и значение коммуникации в философии Чарльза Пирса

В статье установлен и проанализирован главный недостаток коммуникации с позиции философии Чарльза Пирса, а именно — ее неясность и неопределенность. Продемонстрирована фундаментальная роль коммуникации в человеческой жизнедеятельности, не только как способа обмена информацией и опытом, но и как форма установления собственно человеческого способа существования. Подтвержден факт, согласно которому то, что позволяет разрешить эту неясность и неопределенность и в достаточной степени удовлетворить условие коммуникации, — не сам язык, а «сопутствующий опыт», который коммуниканты могут создать и разделить в процессе общения. Эксплицируется, что сопутствующий опыт позволяет проникнуть в общий смысловой универсум, помогающий лучше понять друг друга и приобрести знания, актуальные в обществе. Обосновано, что всеобщность коммуникативного акта становится конечной целью коммуникации. Определено, что общность преодолевает неясность и неопределенность, возникающие из-за локальных и частичных случайностей контекста. Констатируется фаллибилистический характер коммуникации, при котором постулируется принципиальная невозможность достижения окончательного понимания. При этом сама коммуникация определяется как своего рода трансцендентальный горизонт, задающий размерность общению, но постоянно отдалающийся по мере приближения к нему. Сделан вывод, что, благодаря общению, люди становятся способными в кратко- и среднесрочной перспективе разрешить недоумение и установить свои убеждения, руководствуясь ими в своих действиях.

Ключевые слова: языковая коммуникация, условие коммуникации, философия коммуникации, Пирс, прагматизм, опыт, информация, общение, семиотика.

Введение

Семиотические идеи мало изученного в русскоязычном пространстве американского философа, общепризнанного родоначальника прагматизма Чарльза Пирса стали ключевой предпосылкой такого важного в истории философии явления, как «лингвистический поворот».

Лингвистический поворот, в свою очередь, очень сильно повлиял на формирование современной коммуникативной культуры, в которой фундаментальное место, роль и значение отводится языку.

Чтобы понимать специфику организации социальной реальности, в которой мы живем, не лишним будет предметно изучить устройство идей, легших в основу процессов, сформировавших черты современной жизни.

XXI век во всем мире разворачивается под знаком глобализации, которая в основе своей несет культурные коды Америки. Система идей, ценностей, верований, убеждений, составляющие содержание этих кодов, в свое время создавались и формулировались выдающимися американскими философами, не последнее место среди которых принадлежит Ч. Пирсу.

Изучение идей Пирса может стать одним из ключей понимания современных социокультурных процессов как прямого следствия реализации глобалистских тенденций.

В статье впервые акцентируется внимание на семиотических идеях Пирса в прямой связи с феноменом коммуникации, который, по праву, может считаться центральной категорией современной жизни.

Также в рамках статьи освещаются детальные и предметно-углубленные аспекты философии Пирса, способствующие ознакомлению со спецификой аналитического способа мышления, плохо репрезентированного в отечественном академическом сообществе, которое в силу исторических обстоятельств больше погружено в контекст континентальной философии.

* Автор-корреспондент. E-mail: gula.85@mail.ru

Один из самых крупных специалистов по творчеству Пирса М. Бергман утверждает, что философия коммуникации Пирса — это теоретическая инфраструктура, лежащая в основе семиотической теории и прагматизма Пирса [1]. Он стремится поместить коммуникацию в ядро или на глубинный уровень научного наследия Пирса, но, в действительности многие исследователи, изучающие философию Пирса, еще не уделяли достаточного или хотя бы мимолетного внимания значению коммуникации в семиотических теориях Пирса, как это сделал Бергман. Бергман настаивает на том, что Пирс часто говорит о «диалогическом» характере мысли (яркий пример семиозиса, действия знаков), и даже определяет знак как «средство коммуникации» в своей зрелой семиотике. Такие высказывания свидетельствуют о том, что коммуникативные соображения являются неотъемлемой частью семиотического анализа [2].

Значительным для Бергмана является скорее стимул дать отличительный анализ философии Пирса. Более важным для данной аргументации является установление связи между философией коммуникации Пирса и общими принципами коммуникации, включая принципы языковой коммуникации.

Но здесь перед нами встают два вопроса:

Во-первых, является ли ориентация на семиотическую теорию Пирса логической или социальной, как это преимущественно подразумевается в его размышлениях о коммуникации?

Во-вторых, какую связь можно обнаружить в философии коммуникации Пирса и общих взглядах на языковую коммуникацию?

Ответы на эти вопросы требуют пояснения философии Пирса в том виде, в котором она широко распространена. В целом, Пирс рассматривает семиотику как синоним логики, подразумевая, что семиотические принципы могут быть переформулированы в логические операции. Цель исследования — истина, а знак — это всего лишь логический путь к истине. Тем не менее, основное понятие «исследовательского сообщества» в философии Пирса, похоже, с другой стороны, бросает вызов социальной характеристике семиозиса [3].

В прагматистском мышлении Пирса социальная характеристика играет особую роль в определении эффекта семиотического означивания. Это означает, что социальная характеристика представляет собой одно измерение семиотической теории Пирса, которое идет параллельно с другим, то есть логической процедурой поиска истины. Поскольку семиотика Пирса включает в себя язык, но выходит за его пределы, его философия коммуникации также указывает на коммуникацию знака в общем смысле, включая, но не исключая лингвистические знаки.

Аналогичным образом, принципы, изложенные в философии коммуникации Пирса, будут включать в себя то, что может управлять коммуникацией знаков, в целом, и то, что конкретно применяется к языковой коммуникации. Здесь впервые звучит тема теоретического отграничения коммуникации в целом, от языка, а также первичного способа коммуникации от феноменального, проявляющегося, в языке и других видах знаков. Различение этих двух уровней коммуникации поможет проиллюстрировать объяснительную силу, которую философия коммуникации Пирса может иметь как для структуры, так и для ситуации коммуникации.

Основной способ коммуникации в теории лежит в основе феноменологического проявления, а различные проявления могут иметь этот основной способ коммуникации общим. Но не представляется правдоподобным учитывать эти два уровня коммуникации в генеративном ключе. Мы не можем быть уверены в том, что первичный способ коммуникации может породить любое феноменальное проявление, если говорить в эмпирическом смысле. Однако иерархическое и теоретическое различие между двумя коммуникативными уровнями позволит рационально поставить философию коммуникации Пирса на почву знаковых законов, которые касаются внутренней или имманентной природы знака.

Методы исследования

Применялся абстрактно-логический анализ, направленный на выявление и категоризацию уровней концептуального обобщения системы Пирса. Также использовались методы анализа, синтеза, формализации и конкретизации, редукции, индукции и дедукции для экспликации основных моментов коммуникативной теории Пирса.

Результаты

Как может быть установлена коммуникация? Некоторые современные точки зрения склонны отождествлять знак, или лингвистический знак, с достаточным условием коммуникации как таковой. Однако факт наличия общего языка, но отсутствия способности к общению, как это часто встречается в повседневной жизни, делает такую точку зрения несостоятельной. Конечно, важность самого лингвистического знака для коммуникации в диалогической форме была подтверждена неоднократно.

Следующие размышления Пирса дали подсказку для раскрытия того, что лежит в основе условий коммуникации. «Вселенная должна быть хорошо известна и взаимно известна, чтобы быть известной и согласованной, чтобы существовать, в некотором смысле, между говорящим и слушающим, между разумом как вызывающим к своему собственному дальнейшему рассмотрению и разумом как таким образом вызывающим, или не может быть коммуникации или 'общего места' вообще» [4; 621].

По-видимому, не языковые знаки, а вселенная, которую коммуниканты будут иметь общей, функционирует как основное условие для языковой коммуникации. Другими словами, коммуникация не может возникнуть только на основе общего языка, если она не имеет такой общей концепции реальности между коммуникантами. Несмотря на меньшую проработку Пирсом объема концепции реальности, когнитивное расширение говорящего и слушающего с помощью их опыта, по крайней мере, очерчивает границы этой концепции. Социальность опыта также вносит значительный вклад в определение границ общей концепции реальности. Система разделения общественного труда разбивает ее на различные социальные позиции, или на различные фрагменты реальности. Люди, занимающие одинаковые социальные позиции, скорее всего, имеют совместные представления и вступают в реальную коммуникацию менее затруднительным образом. Естественно, ценности, личность, характер, эмоции, интересы коммуникантов также участвуют в формировании совместной концепции реальности. Неудача в реализации коммуникации часто возникает из-за недостаточного совпадения ценностей, личности, характера, эмоций, интересов даже если они удовлетворяют условию общности социальности.

Условия коммуникации имеют иерархическую и процессуальную структуру. Условия коммуникации распределяются иерархически в коммуникативном обществе, но упорядочиваются процедурно и в неявной последовательности в апелляции к реальной коммуникации. Тем не менее, именно сам знак, или лингвистический знак, позволяет превратить коммуникацию из рациональной возможности в реальность. Присутствие знака, или лингвистического знака, в коммуникативном процессе во многом изменило определяющий характер коммуникации. После вмешательства знака в коммуникативный процесс коммуникация начинает демонстрировать сложность возобновления после прекращения, переговоров после конфликта и продолжения после введения. Именно в коммуникации посредством лингвистического знака первоначальная концепция реальности расширяется, и несовпадения представлений можно найти даже в конгруэнтной картине мира, либо же несовпадения объединяются в новую концепцию реальности согласованным образом. Пирс описывал эту сложность коммуникации с помощью понятия «неясность». По мнению Пирса, неясность коммуникации возникает из-за неясности семиотической референции: «Это может происходить тремя путями: во-первых, нечеткой ссылкой на концепцию реальности, в целом; во-вторых, ссылкой на всех индивидов, существующих во вселенной, распределительным образом; в-третьих, нечеткой ссылкой на всех индивидов» [4; 621].

Если посмотреть на сложную связь неясности в коммуникации с природой повторяющейся практики коммуникации, то можно обнаружить связь с другим важным понятием Пирса, а именно «всеобщностью» коммуникации. Общность для коммуникации служит конечным результатом коммуникативного усилия через уменьшение неясности. Она также является основным условием повторяющейся коммуникативной практики. Неясность и всеобщность существуют и в отношении знака к реальности, не являясь независимыми от абстракции знака, в частности, лингвистических знаков. Судя по абстракции лингвистических знаков, неясность находится в состоянии, синхронном всеобщности. Строго говоря, благодаря абстрактному обобщению лингвистического знака коммуникация начинает обладать своей собственной в семиотическом смысле всеобщностью. Но когда такое абстрактное обобщение сталкивается с конкретным контекстом, неясность возникает из-за контекстуальной спецификации. Как утверждал Пирс, несмотря на их противоположность, с формальной точки зрения обобщенность и неясность находятся на одном уровне. Очевидно, что ни один знак не может быть одновременно неопределенным и общим в одном и том же отношении, поскольку в той мере, в какой право определения не распространяется отчетливо на интерпретатора, оно остается правом

произносящего. Следовательно, знак может избежать неопределенности и общего характера только в том случае, если он не является неопределенным.

Парадоксальная тема неясности и всеобщности по своей природе связана с внутренним свойством коммуникации знака или языка. Аналогично, многие парадоксальные моменты пронизывают и семиотику Пирса [5].

Парадокс можно воспринимать как описание некоторых феноменальных результатов, но парадоксальный взгляд в философии отражает сложность и непрерывную конфигурацию коммуникативного процесса. Успешная коммуникация является временным решением такого парадокса, и, следовательно, демонстрирует статичное состояние ясности после прояснения неясности. Однако всегда возникает новый парадокс, и неясность сохраняется. В связи с этим любое усилие, направленное на поиск ясности, означает непрерывное общение.

Кроме того, постоянное мышление и обогащение опыта приведут к появлению неясности и также обеспечат потенциал для прояснения. Независимо от того, неясность это или ясность, временность неизбежно станет неотъемлемым свойством, непередаваемым для коммуникации. В процессе уменьшения неясности и достижения ясности коммуникация движется к своей конечной цели — всеобщности. Параллельно с коммуникативным процессом, поиск истины в обществе также проявляет свой закон. Именно в этом философском направлении можно охарактеризовать прагматизм Пирса.

Для того чтобы уменьшить неясность со стороны говорящих, говорящие в коммуникации всегда активно используют знаки или посредством воспроизведения знаков дают метаязыковое объяснение слушающим. Ясность знака становится одной из целей коммуникации. Дать ясное объяснение неясности входит в базовое условие коммуникации. Таким образом, между отправителем и получателем знаков устанавливаются семиотические отношения.

Коммуникативный процесс помогает реализовать такие семиотические отношения. Как типичный знак, язык должен вызывать коммуникацию, чтобы установить своего рода семиотические отношения, приемлемые и поддерживаемые коммуникантами. В значительной степени социальные отношения и социальные сети были преобразованы в семиотические отношения, или в языковые отношения. Представляется менее необходимым подтверждать суждение о том, что идеальные социальные отношения почти равны идеальным семиотическим отношениям или коммуникативным отношениям. Несмотря на то, что о важности коммуникации было сказано слишком много, возникает вопрос, будет ли всеобщность, как цель коммуникации, иметь в языковой коммуникации внутреннюю связь с самим знаком, или, другими словами, с лингвистическими знаками?

Во-первых, что касается лингвистических знаков, то в языковом сообществе, вероятно, существует общая коммуникация, даже просто в силу фонематической системы и базового словарного запаса, которым обладают члены сообщества в целом. Но эта всеобщность тождественна интеллектуальной цели только в терминах Пирса. На самом деле общность языковых знаков сама по себе не может определять коммуникацию в овеществленном результате. Коммуникация возникает в результате встречи коммуникантов. Коммуникаторы ориентируются на живое бытие своих партнеров по встрече, а затем принимают решение вступить или не вступить в коммуникативный акт и его завершающий процесс. Будучи членами одной и той же социальной общности, коммуниканты имеют общие лингвистические знаки, но в своей коммуникации делают акцент на человеческих отношениях, а не на лингвистических знаках. Как сказал Пирс, «коммуникация — это существование роли. Человек способен играть отведенную ему роль в драме творения, и насколько он теряет себя в этой роли — какой бы скромной она ни была — настолько он отождествляет себя с ее автором» [6; 572].

Во-вторых, как было проанализировано выше, «общая концепция реальности», важное понятие Пирса, функционирует как общее основание коммуникации. Помимо профессионального распределения в системе общественного разделения труда, а также таких компонентов, как ценность, личность, характер, эмоции, интересы стержневым моментом для коммуниканта, определяющим его коммуникативный акт в конкретной обстановке, становится намерение общаться. Именно намерение общаться активизирует концепцию реальности и использует знаки для достижения коммуникации.

Это может быть описано как три основные фазы:

- от неясного положения вещей к намерению коммуникации, чтобы установить общую концепцию реальности;
- от намерения коммуникации к использованию лингвистических знаков как средства коммуникации;

- от использования лингвистических знаков к созданию общей концепции реальности, которая облегчает дальнейшую коммуникацию.

Три основные фазы происходят по порядку, и пропуск любой из них может привести к тому, что коммуникация не состоится. Коммуникативное намерение, овладение этим намерением и обмен им проливают свет на специфический смысл коммуникации: нормальный член одной речевой или социальной общности начинает обладать статусом коммуникатора только после того, как он способен объяснить намерение своего партнера по общению. Компетенция выявления намерений — ключевая составляющая коммуникативной компетенции. Однако почему коммуникативный процесс все еще сохраняет свою неопределенность и не может от нее избавиться?

Ответ на этот вопрос может дать другое измерение общности, а именно социальная дивергенция в знаниях и опыте. Эта общность состоит как минимум из трех уровней:

- первый уровень, воплощенный в общности фонематической системы и базового словарного запаса, является самой широкой и привилегированной общностью, которой могут обладать члены речевого сообщества;

- второй — в общей компетенции владения коммуникативным намерением;

- третий — в коммуникативной общности при условии распределения знаний и опыта.

Стратификация и расхождение в ценностях, занятиях, быту членов сообщества заставляют коммуникантов переходить от первой фазы общности ко второй и даже неизбежно к третьей. Третья фаза обобщенности означает глубину трудностей в общении между членами сообщества. Третья фаза общности относится к общности, возникающей в результате стратифицированного распределения знаний и опыта, и способствует основному условию стратифицированного социального взаимодействия. Три фазы общности имеют сужающийся характер в плане социального пространства взаимодействия, но углубляющуюся тенденцию в структурном построении социальной стратификации. Тенденция углубления также означает движение от общности языковых знаков к общности человеческой природы коммуникации, а также к общности знаний и опыта.

Стремление к трем фазам всеобщности в коммуникации отразило целевую последовательность межличностной коммуникации. То, что Пирс решительно обозначил как икону, индекс и символ в семиотическом процессе, можно считать теоретической рекапитуляцией последовательности коммуникативных целей. Общая цель — усилить коммуникацию, сделать наши идеи ясными и утвердить наши убеждения. Только благодаря коммуникации три фазы всеобщности могут стать реальным толчком к сдерживанию или усилению межличностной коммуникации. Точно так же, только благодаря коммуникации философия прагматизма Пирса и его коммуникативный идеал установления убеждений могли бы полностью реализоваться. Пирс дал убедительное решение этой проблемы: никакое сообщение одного человека другому не может быть полностью определенным или неопределенным.

Мы можем обоснованно надеяться, что физиологи когда-нибудь найдут средства сравнения качеств чувств одного человека с чувствами другого, так что было бы несправедливо настаивать на их нынешней несопоставимости как на неизбежном источнике непонимания. Кроме того, это не влияет на интеллектуальный смысл общения. «Где бы ни существовала степень или любая другая возможность постоянного изменения, абсолютная точность невозможна. Многое должно быть расплывчатым, потому что интерпретация слов ни у одного человека не основана на точно таком же опыте, как у любого другого. Даже в наших самых интеллектуальных концепциях, чем больше мы стремимся быть точными, тем более недостижимой кажется точность. Никогда не следует забывать, что наше собственное мышление протекает как диалог и, хотя в основном в меньшей степени, подвержено почти всем несовершенствам языка» [6; 506].

Философия коммуникации Пирса не ссылается на какие-либо примеры для подтверждения своего принципа прагматизма, но стремится расширить свою прагматическую мысль через другое теоретическое измерение. Мышление Пирса подразумевает перекрестное подтверждение одного теоретического уровня другим, а не какую-либо взаимную зависимость между концепцией и примером. Однако его внимание к основным законам, управляющим коммуникацией, имеет некоторую неявную связь с его теоретическим фокусом. Пирс использует такие понятия прагматизма, как привычка и общий эффект, чтобы подтвердить недостаточность контекстуальной обусловленности и установить общий эффект коммуникации, а также ее идеальное состояние как единственную цель теоретизирования. Если всеобщность — это идеал коммуникации, основанный на точности и максимальном объеме, до которого может расширяться коммуникация, то стремление к всеобщности, как часто утвер-

ждает Пирс, становится энергией, непрерывно стимулирующей коммуникативный процесс. Всеобщность возникает из абстракции, являясь обобщенным понятием, простирающимся от видимых знаков до невидимой цели коммуникации. Это понятие фактически означает такое правило коммуникации: коммуникация начинается с видимых знаков, а завершается невидимым консенсусом. Консенсус в мышлении завершает коммуникацию невидимым и абстрактным образом. Этот мыслительный консенсус отражает коммуникативный процесс движения от конкретного диалога к всеобщности в мысленном соответствии.

Тем не менее, коммуникативная всеобщность сталкивается в лингвистической практике с серьезной трудностью, которую порождает неясность языковых знаков и эмпирическое расхождение между коммуникантами, что заставляет коммуникативную деятельность вечно идти по идеально-ориентированному пути. Стоит отметить, что прагматизм Пирса тесно связан с его теорией логики и семиотическим учением, но его размышления о коммуникации можно рассматривать как поворот в мышлении, который помещает принцип прагматизма и семиотическое учение в рамки практики. Благодаря такому повороту в мышлении, Пирс придает логическому анализу эмпирическое обоснование. Другими словами, коммуникативная практика равна не какому-то конкретному или контекстуальному упражнению, а скорее обоснованию концепций прагматизма Пирса, таких как «привычка» и «общий эффект» [7].

В этом может заключаться теоретическое значение коммуникации в прагматизме Пирса.

Обсуждение

Как было указано выше, концепция всеобщности, выдвинутая Пирсом, связана с общностью намерений, концепций и эмоций в общении между коммуникантами.

Приход к общности — это результат коммуникации, который также подразумевает коммуникативное усилие, возникающее для достижения общности намерения, концепции и эмоций. В процессе символизированного усилия коммуниканты сталкиваются и взаимно сотрудничают, что эквивалентно коммуникативной практике в реальности. Если судить по природе коммуникации, то «общность» находится внутри коммуникативного акта, а символический процесс, в который вовлечены коммуниканты, предстает как внешняя ткань коммуникации. Интеграция внутреннего и внешнего означает связывание понятия и практики, определяемое как процесс разделения намерений, ценностей и эмоций в результате достижения общности. С другой стороны, символизированный процесс общения делает коммуникацию почти эквивалентной знаковой коммуникации в собственном смысле слова.

Неотъемлемость коммуникации от языка или знака на практике, кажется, низводит коммуникацию до работы с языком или знаком, что еще больше определяет коммуникацию как лингвистическую проблему.

Во-первых, проблема заключается в том, протекает ли лингвистическая коммуникация как первичная коммуникация, или как специфическая символизированная коммуникация, отличная от первичной коммуникации. Если рассматривать функцию языковых знаков, то предложения, образуемые вербальными знаками, могут отображать логические предложения в терминах Витгенштейна и ссылаться на состояние мира. Это означает, что язык не может ни для какого независимого утверждения устранить вещи, внешние по отношению к его собственной структуре. Короче говоря, язык сам по себе состоит из внутреннего и внешнего. Второй вопрос заключается в том, насколько разным будет вклад внешнего и внутреннего в коммуникацию. Если коммуникация возможна даже без языка, то это приведет к предположению, что языковой знак не может играть исключительную роль в коммуникации. Однако универсальная роль лингвистических знаков в конкретных коммуникативных актах подразумевает также, что коммуникация, безусловно, находится в неотъемлемой связи с языком.

Этот парадокс можно было бы расшифровать как вывод о том, что коммуникация находится в неотъемлемой связи со знаковостью — внутренней природой знака — а не с самим языком или какими-либо другими знаками. С точки зрения Пирса, знак, как средство коммуникации или продолжение формы, вливается и изменяет посредством своей знаковости другие факторы семиозиса.

Мысленный отклик, внутренняя речь, интуитивное озарение, молчание и т.д. без исключения являются коммуникацией, которая не основывается на каком-либо знаке, а лишь принимает знак в качестве своей глубинной опоры. Когда люди сталкиваются друг с другом, человек предстает в образе символического бытия, и даже сталкиваясь с собственно происходящим с его знаковой формой. Способен ли человек воспринимать и считывать существование этого знака или нет, зависит от его семиотической способности, которая должна быть овеществлена в коммуникативном действии.

То, к чему относится такая семиотическая способность, равнозначно интуиции знака и предсказанию коммуникативной возможности. Внутреннее построение семиотической способности препятствует простой идентификации этой способности с каким-либо внешним символическим проявлением.

Так существует ли первичная коммуникация и является ли языковая коммуникация лишь вторичным способом коммуникации, основанным на первой?

Первичный способ коммуникации может структурно, как глубинный уровень, в теории, но не в эмпирическом смысле, поддерживать другие феноменальные проявления коммуникации. Языковая коммуникация может принадлежать скорее к поверхностному, чем к глубинному уровню коммуникации. Или же она может принимать в качестве своего глубинного коммуникативного слоя простой коммуникативный способ, который является общим для любой знаковой коммуникации. Таким образом, языковая коммуникация становится конкретной семиотической практикой, структурно связанной с первичным коммуникативным режимом.

Это теоретическое предположение поможет объяснить тот факт, что некоторые члены общины часто общаются между собой на одном языке, в то время как другие общаются между собой реже. Имея один и тот же язык и находясь в одном и том же социальном пространстве, некоторым членам сообщества не о чем общаться. Можно обнаружить, что между ними происходит мало коммуникативных действий в языке. Один и тот же язык и одна и та же социальная общность не могут радикально изменить то, что люди хотят сказать другим и что они хотят услышать от других. Разумеется, именно основной коммуникативный режим в глубинном слое социального действия определяет неудачу или успех коммуникативного акта. Основной коммуникативный режим состоит, но не исключительно, из коммуникативного намерения, ценностей, эмоций. Ключевой коммуникативный режим, как основа для общения, является социальным в межличностном смысле, но не универсальным для всех членов сообщества. Он способствует формированию типов личности, концепций, эмоциональных стилей и жизненных интересов коммуникантов, что приводит к социальной дивергенции и социальной стратификации. Здесь социальная группа в этом смысле трансформируется в коммуникативную группу, в которой члены общества становятся коммуникаторами и выстраивают свои знаковые отношения внутри группы как социальными, так и языковыми средствами.

Коммуникативная группа может функционировать как фильтр для изучения того, что происходит в обществе, и того, почему одни члены принадлежат к группе, но отвергают других. Можно признать, что основной коммуникативный режим является ключевым понятием для лучшего объяснения механизма общества.

Следующий вопрос: «Почему коммуникация требует сотрудничества с лингвистическими знаками, когда основной коммуникативный режим продемонстрировал свою мощную роль поддержки феноменальной коммуникации?»

Говоря иначе, совместное использование первичного способа коммуникации начинает перезапускать лингвистическую коммуникацию и помогать поддерживать ее.

Если взглянуть с другой стороны, то языковые знаки могут активировать этот основной коммуникативный режим в силу всеобщего распространения языка в социальной общности. Это равносильно тому, чтобы сказать, что то, что мы будем делать с первичным коммуникативным режимом и языком, это сложная связь базовой природы коммуникации с коммуникативными явлениями.

Переходим ли мы от глубинного первичного коммуникативного режима к поверхностному коммуникативному акту или прослеживаем путь от последнего к первому в отношении истинного смысла коммуникации, остается сложным вопросом, которому трудно дать окончательное решение.

«Означает ли первичный коммуникативный режим и языковая коммуникация одну вещь с двумя измерениями или интеграцию двух вещей с аналитической перспективой?» Ответ на эту проблему будет связан не только с объяснением общей коммуникативной теории, но и с признанием и оценкой коммуникативных моделей, которые в академической литературе считаются само собой разумеющимися. Изучение теории коммуникации Пирса может привести к переоценке модели кода и модели вывода для языковой коммуникации [8].

Заключение

По мнению Пирса, коммуникация — это процесс, в котором люди обмениваются знаниями, идеями, мыслями и чувствами друг с другом. Он отмечал, что коммуникация не только помогает нам понимать друг друга, но и играет важную роль в создании наших знаний и верований о мире.

Пирс также выделял три основных типа коммуникации: иконическую, индексную и символическую. Иконическая коммуникация — это передача информации посредством изображений и образов, которые напрямую связаны с тем, что они изображают. Индексная коммуникация — это передача информации посредством указателей, знаков и других средств, которые указывают на то, что они представляют. Символическая коммуникация — это передача информации посредством языка и символов, которые связаны с определенными общими понятиями и значениями.

Пирс считал, что все три типа коммуникации необходимы для того, чтобы мы могли эффективно общаться друг с другом и понимать мир вокруг нас. Он также подчеркивал, что коммуникация является процессом взаимодействия и включает в себя не только передачу информации, но и принятие, интерпретацию и использование этой информации.

В целом, Пирс в своих работах уделял большое внимание коммуникации и ее роли в нашей жизни. Он подчеркивал, что коммуникация является ключевым аспектом нашего общения с другими людьми, а также в создании наших знаний и верований о мире.

Философия коммуникации Пирса, начавшаяся с твердых позиций семиотической теории, со временем переместилась на почву прагматизма, поскольку ее автор осознал недостаточность знакового объяснения природы общения.

Ключевой момент любой коммуникации, согласно Пирсу, поиск и установление промежуточного консенсуса, что невозможно без наличия некоторой предварительной общности верований и убеждений относительно положения вещей в мире.

Любой акт коммуникации, по Пирсу, принципиально незавершен, поскольку реальность постоянно меняется и возникает необходимость перманентно корректировать наши представления и договоренности по поводу окружающей нас действительности.

Прагматические предпосылки теории коммуникации Пирса могут служить хорошей основой для понимания коммуникации в современной массовой культуре.

Список литературы

- 1 Bergman, M. (2000). Reflections on the Role of the Communicative Sign in Semeiotic. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 36(2), 225–254. 0009-1774.
- 2 Bergman, M. (2005). C.S. Peirce's dialogical conception of sign processes. *Studies in Philosophy and Education*, 24, 213–233. doi:10.1007/s11217-005-3845-0.
- 3 Liszka, J. (1978). Community in C.S. Peirce: Science as a means and as an end. *Transaction of the Charles S. Peirce Society*, 14(4), 305–321. <https://www.jstor.org/stable/40319853>.
- 4 Peirce, Charles S. (1998). *Essential Peirce: Selected philosophical writings*, 2, 1893–1913, Peirce Edition Project (Eds.). Bloomington: Indiana University Press.
- 5 Lu, Deping. (2017). Paradox of sign and Peirce's doctrine. *World Philosophy*, 3, 66–72. DOI:10.1515/sem-2017-0164.
- 6 Peirce, Charles S. (1958). *The collected papers of Charles S. Peirce*, 8 vols., C Hartshorne, P. Weiss & A.W. Burks (eds.). Cambridge: Harvard University Press.
- 7 Colapietro, V. (2007). C.S. Peirce's rhetorical turn. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 43(1), 16–52. doi:10.1111/j.1469-5812.2011.00837.x
- 8 Sperber, D. & D. Wilson. (1995). *Relevance: Communication & cognition*. Oxford: Blackwell.

Г.Б. Әлжанова, Б.И. Карипбаев, В.И. Разумов, А.Р. Озкан

Чарльз Пирс философиясындағы коммуникацияның рөлі мен маңызы

Мақалада Чарльз Пирстің философиясы тұрғысынан қарым-қатынастың негізгі кемшілігі, атап айтқанда оның түсініксіздігі мен белгісіздігі анықталды және талданды. Адам өміріндегі қарым-қатынастың іргелі рөлі апарат пен тәжірибе алмасу тәсілі ретінде ғана емес, сонымен бірге адамның өмір сүру тәсілін орнатудың формасы ретінде де көрсетілген. Бұл түсініксіздік пен белгісіздікті шешуге және қарым-қатынас жағдайын жеткілікті түрде қанағаттандыруға мүмкіндік беретін тілдің өзі емес, коммуниканттар қарым-қатынас процесінде жасай алатын және бөлісе алатын «ілеспе тәжірибе» екен фактісі расталды. Ілеспе тәжірибенің бір-бірін жақсы түсінуге және қоғамда өзекті білім алуға көмектесетін жалпы семантикалық ғаламға еруге мүмкіндік беретіні түсіндірілген. Коммуникативті актінің әмбебаптығы коммуникацияның түпкі мақсатына айналады. Қауымдастықтың контекстің жергілікті және ішінара апаттарынан туындайтын түсініксіздік пен белгісіздікті жеңетіні анықталды. Бай-

ланыстың фаллибилистикалық сипаты айтылады, онда түпкілікті түсінікке жетудің түбегейлі мүмкін еместігі тұжырымдалады. Бұл жағдайда коммуникацияның өзі трансцендентальды көкжиектің бір түрі ретінде анықталады, ол қарым-қатынастың өлшемін белгілейді, бірақ оған жақындаған сайын үнемі алыстайды. Қарым-қатынас арқылы адамдар қысқа және орта мерзімді перспективада шатасуды шешуге және өз іс-әрекеттерін басшылыққа ала отырып, өз сенімдерін орнатуға қабілетті болады деген қорытынды жасалған.

Кілт сөздер: тілдік коммуникация, байланыс шарты, байланыс философиясы, Пирс, прагматизм, тәжірибе, ақпарат, коммуникация, семиотика.

G.B. Alzhanova, B.I. Karipbayev, V.I. Razumov, A.R. Ozkan

The role and significance of communication in the philosophy of Charles Pierce

The article establishes and analyzes the main lack of communication from the point of view of the philosophy of Charles Pierce, namely, its vagueness and uncertainty. The fundamental role of communication in human life is demonstrated, not only as a way of exchanging information and experience, but also as a form of establishing a proper human way of existence. The fact is confirmed that what allows to resolve this ambiguity and uncertainty and to sufficiently satisfy the condition of communication is not the language itself, but the “accompanying experience” that communicants can weave, exchange and share in the process of communication. It is explicated that the accompanying experience allows one to penetrate into the “universe” in which communicants can be involved, and help them acquire knowledge that is relevant in society in the process of communication. It is substantiated that the universality of the communicative act becomes the ultimate goal of communication. It is determined that the generality overcomes the ambiguity and uncertainty arising from the local and partial accidents of the context, and goes beyond its limits. The fallibilistic nature of communication is stated, in which the fundamental impossibility of achieving a final understanding is postulated. At the same time, communication itself is defined as a kind of transcendental horizon that sets the dimension of communication, but constantly moving away as it approaches it. It is concluded that thanks to communication, people become able in the short and medium term to resolve bewilderment and establish their beliefs, guided by them in their actions.

Keywords: language communication, condition of communication, philosophy of communication, Pierce, pragmatism, an experience, information, communication, semiotics.